

Е. А. Стреха

ПРИСВОЕНИЕ УЧЕНЫХ СТЕПЕНЕЙ В СРЕДНЕВЕКОВОМ КИТАЕ

УДК 378.2
ББК 74.03(3)5(Кит)

В статье предлагается экскурс в историю присвоения ученых степеней в средневековом Китае, характеризуется содержание и процедура сдачи экзаменов соискателями ученых степеней.

Ключевые слова: китайская литература, экзамен, присвоение ученых степеней, образ ученого.

E. A. Strakha

ACADEMIC DEGREE IN MEDIEVAL CHINA

In article digression to the historical background of assignment of scientific degrees in medieval China becomes, the contents and procedure of examination by competitors of scientific degrees.

Keywords is characterized: Chinese literature, examination, assignment of scientific degrees, image of the scientist.

Вся система образования в средневековом Китае была ориентирована на подготовку знатоков конфуцианства. Хорошее знание древних текстов, умение свободно цитировать афоризмы мудрецов и, как вершина, умение писать сочинения, в свободном стиле объяснять и комментировать мудрость древних — такой была программа подготовки ученых. В течение тысячелетия именно это считалось в Китае наукой. В то же время все дисципли-

ны негуманитарного цикла и особенно естествознания не считались достойными внимания. А вот изучение конфуцианства открывало перед любым путь вперед, обеспечивало возможность сделать карьеру, добиться почета, власти и богатства. Но чтобы достигнуть всего этого, надо было сдать необходимые экзамены.

Истоки системы конкурсного отбора исходят к джойскому Китаю. Правители были заинтересованы в

выявлении кандидатов, которые подходят на должность чиновников. В эпоху Хань (III в.) конкурсные экзамены преобразовались в главный, а позже в фактически единственный путь, который давал возможность войти в состав элиты, надлежащим образом подготовленной к руководству страной в духе традиционных конфуцианских принципов. Начиная с эпохи Тан (VIII—X вв.), экзаменационная система выглядела следующим образом.

Ученик в возрасте 19—20 лет считался подготовленным к экзаменам, однако жесткого возрастного ценза не существовало. В произведении «Неофициальная история чиновничества» автор, описывая пришедших сдавать экзамен, отмечал, что «среди них были и старые и молодые, богато одетые и в лохмотьях» [4. С. 636]. То есть по закону к экзамену могли допускаться люди разных возрастов и представители любых слоев общества, однако делалась оговорка, что дети, чьи родители занимаются недостойным делом, т. е. являются парикмахерами, актерами, проститутками, хозяевами публичных домов и слугами, участвовать в таких экзаменах не имеют права. Реальную же возможность появиться перед экзаменаторами имели, как правило, только богатые люди; бедный крестьянин не мог позволить своему сыну долгие годы сидения над изучением иероглифов и конфуцианских книг.

Планируя участвовать в экзаменах, соискатель ученой степени должен был, во-первых, получить заверение соседей о своей репутации о том, что не был под судом и что его предки

в трех поколениях не принадлежали к числу особ «неприличных профессий», а во-вторых, досконально знать содержание классических конфуцианских книг. Наиболее важными из них считаются девять основных канонов известных, как «Четырехкнижие» и «Пятикнижие». Человек признавался высокообразованным в том случае, если он хорошо знал содержание всех девяти классических книг.

Основу школьного образования составляло «Четырехкнижие».

Первая книга «Лунь-юй» («Рассуждение и беседы») освещает взгляды Конфуция по вопросам этики, морали и управления государством, раскрываются его представления о небе, как олицетворение разума, целесообразности и высшей справедливости. Эта книга была основным учебным пособием в китайской школе вплоть до начала XX века. Книгу заучивали наизусть и руководствовались в жизни ее наставлениями.

Вторая книга — «Да-сюэ» («Великое учение») представляет собой трактат о совершенствовании личности, об устройстве государства, семьи и дома и управлении империей. В трактате сформулированы идеи Конфуция о самосовершенствовании человека, которое необходимо для правильных взаимоотношений в государстве и семье. В книге доказывалось, что всякий человек, честно выполняющий все эти требования, может стать, в конце концов, хорошим правителем не только своего дома или небольшого уезда, но и всей империи.

Третья книга «Чжун-юн» («Соблюдение середины») развивает

в учении Конфуция идею о том, что каждому человеку следует стараться согласовывать свое поведение с законами природы, он должен сохранять гармонию души и не вдаваться в крайности.

Четвертая книга «Мэн-цзы» получила свое название по имени философа. В книге даны рекомендации монархам, как управлять народом, «сообразуясь с правдой и справедливостью».

Названные книги были основными учебными пособиями в школах феодального Китая. Грамотность отождествлялась со знанием конфуцианских книг, содержащих всю мудрость древних китайцев. Конфуцианское «Четырехкнижие» было главным предметом официального образования, а учение, изложенное в этих трактатах, считалось священным, малейший отход от него сурово карался.

К «Пятикнижию» относятся: «Ши-цзин», «Ли-цзи», «Шу-цзин», «И-цзин», «Чунь-цю».

«Ши-цзин» («Книга песен») — наиболее ранний сборник китайской поэзии, в него вошли 304 стихотворения и народные песни. Содержание их было разнообразно: одни выражали социальный протест, ненависть к жестоким правителям, другие предназначались для торжественных церемоний, третьи были посвящены историческим событиям, четвертые были предназначены для исполнения в храмах.

«Ли-цзи» («Книга ритуалов») — это свод правил поведения во всевозможных церемониях, обрядах.

«Шу-цзин» («Книга истории») написана ритмической прозой. В ней

излагается история Китая от древних легендарных правителей.

«И-цзин» («Книга перемен») — это сборник туманных и загадочных изречений. Основная идея книги — изменчивость всего существующего. Книга написана языком прорицателей и предсказателей.

«Чунь-цю» («Весна и осень») представляет собой летопись событий, происходивших на родине Конфуция. В кратких записях нашли отражение войны между княжествами, союзы между ними, убийство одного князя и возвышение другого, землетрясения, солнечные затмения, стихийные бедствия и т. д.

Глубокое уважение к знаниям отражено в китайских пословицах: «Знание — сокровище, которое всегда при владельце», «Чем растить сына неучем, лучше растить свиней», «И золото имеет цену, знания же бесценны», «Пища утоляет голод, знания излечивают от невежества». Но по сложившейся столетиями традиции образование сводилось только к изучению конфуцианских канонов. Изучив книги, сдав экзамен на получение ученой степени, человек не переходил к изучению другой литературы, он возвращался к изучению все тех же текстов.

Стиль, язык, смысл классических книг были чрезвычайно трудны для восприятия даже образованным людям. Поэтому тексты сопровождались многочисленными комментариями, без которых их вообще невозможно было читать. Несмотря на то что эти книги были трудны для усвоения, изложенные в них нормы поведения, принципы

этики, морали, нравственности широко распространились в народе. Конфуций и его последователи привели в систему и зафиксировали все эти нормы в канонах. Неукоснительное знание канонизированных конфуцианских тезисов требовалось при сдаче экзаменов для получения ученых степеней.

Существовали три ученые степени: сюдай, цзюйжень, цзиньши. Чтобы получить самую низкую степень — сюдай, выпускники школ и соискатели, которые самостоятельно изучали каноны, съезжались один раз в год в уездный центр, где под пристальным наблюдением высокопоставленных чиновников сдавали экзамен.

Экзамен предполагал следующее: соискатель должен был без книг и пособий, а только по памяти написать

- поэму из 60 слов;
- сочинение о каком-либо древнем событии;
- трактат на абстрактную тему.

Конкурс был суровый, а квота жесткая. Степень получали только 2–3 % соискателей, которые участвовали в экзаменах. Число выдержавших экзамен в целом по стране было небольшим и колебалось от 300 до 350 человек в год.

Соискатели, получившие степень сюдай, имели возможность экзаменоваться на вторую степень — цзюйжень. Этот экзамен проводился один раз в три года в центрах провинций и был еще более жесткий, но содержание экзамена оставалось тем же.

Те, кто успешно проходил и через эти испытания, могли сдавать экзамен на высшую степень — цзиньши. Этот экзамен проводился в столице один

раз в два-три года. За проведением его следили высшие сановники и сам император.

Выдержавший экзамен на степень цзиньши мог быть зачислен в Придворную академию. Звание академика считалось высшим ученым званием. Академики выдвигались на высшие ступени чиновничьей иерархии, получали ответственные посты и титул «историка императорского двора» выбирались кадры для первых постов в администрации. Перед ними автоматически открывался путь к славе и богатствам. Те же, кто имел только две степени (сюдай и цзюйжень), этих прав не получали, но они пользовались высоким авторитетом, являлись кандидатами на второстепенные посты, оказывали политическое влияние в границах своего уезда. Даже те, кто обладал только степенью сюдай, ощущали внимание и уважение со стороны соседей и родственников и пользовались уважением местной власти.

Все экзамены проводились в специальных помещениях, состоящих из множества маленьких комнат, предназначенных для каждого соискателя. В комнате три стены были глухие, а четвертая имела вход и маленькое окошко. Мебель в комнате ограничивалась двумя досками на кирпичных подпорках: одна из досок служила вместо стола, а вторая — стула. Эти доски на ночь превращались в кровать. В новелле «Что видел пьяный Ван Цзыань» писатель Пу Сунлин описал условия, в которых проходили экзамены: «Студент, словно преступник в тюрьме. Когда он приходит в свою келью, то, что ни дыра — то

высунута голова, что ни конура — то торчит нога». [3. С. 430]

В конце каждого коридора находилась будка наблюдателя, в обязанности которого входило пристально следить за теми, кто сдает экзамен.

Утром в день экзамена соискатели в сопровождении родственников, друзей, слуг собирались около входа в экзаменационное помещение. Они обязаны были взять с собою одеяло, продукты, чашки для чая и другую хозяйственную утварь. Чтобы предотвратить злоупотребления на экзаменах, вводились специальные правила, которых необходимо было придерживаться при входе в экзаменационное помещение:

- шляпа и одежда не должны иметь подкладки,
- подошвы обуви должны быть тонкими,
- сумка для бумаг не должна быть двойной,
- тушь должна быть в тонкой чернильнице,
- бамбуковые палочки для написания иероглифов должны быть пустыми и т. д.

Перед тем как разойтись по комнатам, будущие ученые обыскивались — проверяли, нет ли при них карманных изданий классических книг.

После обыска экзаменаторы вручали соискателям листы бумаги с указанной фамилией и номером комнаты. Потом раздавались маленькие записки с темой сочинения, на написание которого отводилось три дня. Для стихотворных сочинений давались, например, такие темы: «Описание дворца первого китайского императо-

ра Цинь Шихуана», «Описание башни бронзового павлина, воздвигнутой в период трех династий», «Гранатовое дерево во дворце» и т. д. Для трактата экзаменаторы могли предложить такую тему: «Если ты станешь действовать, следуя примеру других, то будешь делать добрые дела и постоянно находить себе единомышленников. Из этого вытекает главная задача мудрецов — делать добро вместе с другими».

Получив тему, соискатель ученой степени по своему усмотрению мог использовать отведенное время: писать, думать, мечтать, спать, но не мог покинуть своей комнаты. На третий день он должен был сдать наблюдателю написанное им сочинение и покинуть помещение.

Отдохнув ночь дома или у знакомых, соискатель возвращался для продолжения экзамена. При этом опять проводились перекличка, обыск и предлагалась новая тема для сочинений. Над ней претендент на ученую степень также работал три дня, после чего опять оставлял «храм науки» на ночь, чтобы вернуться для последнего третьего экзамена.

В произведении «Что видел пьяный Ван Цзынь» автор описывает психологическое состояние соискателя ученой степени, сдавшего экзамен и ожидающего результаты: «Когда он выйдет с экзаменационного двора, настроение темным-темно. Небо и земля кажутся какого-то особого цвета, измененными. Студент похож тогда на большую птицу, выпущенную из клетки.

Но вот он начинает ждать экзаменационного объявления. Его пугают

уже и травы, и деревья. Его сон полон причудливых фантазий. Стоит лишь ему представить на минуту, что желаемое достигнуто, как в одно мгновение вырастают перед ним терема, залы, хоромы. Вдруг, наоборот, придет ему в воображение картина потери надежд — и сейчас же тело и кости сгнили. В эти дни, гуляет ли, сидит ли, ему трудно сохранить спокойствие, и студент напоминает мне обезьяну на привязи.

Вдруг влетает верховой с вестями. А на листе меня-то и нет! И тогда настроение резко меняется. Весь я как-то деревенею, словно умираю... совсем как муха, нажравшаяся яду: как ни тронь ее — не чувствует» [3. С. 430–431].

Власти стремились проводить экзамены с максимальной торжественностью и помпезностью. В сатирическом романе У Цзин-Цзы «Неофициальная история чиновничества» экзамен изображался так: «Сначала перед экзаменационным двором выстрелят три раза и откроют ворота на улицу, еще три раза — и распахнутся Драконовы ворота... Всего девять выстрелов... Письмоводитель из административной палаты опустится на колени и будет молить императора Гуаньди, укротителя духов трех миров, сойти в зал для изгнания нечистой силы, а потом попросит телохранителя бога генерала Чжоу Цана следить за порядком на экзаменах. Зонты уберут, и правитель области совершит поклонение, письмоводитель из административной палаты снова опустится на колени и начнет молить бога литературы Венчана и покровителя наук Цзы Туна возглавить экзамены,

а духа Куйсина — озарить экзамены своим светом» [4. С. 640].

Как не пыталась власть придать экзаменам видимость объективности, с этими испытаниями всегда было связано много злоупотреблений. Кандидаты из богатых семей давали взятку экзаменаторам. «Когда у вас, дорогой брат мой, не найдется для их (экзаменаторов — Е. С.) золота или серебра, чтобы подкупить их, так пусть ваши познания достигнуть небес — все равно не удастся вам увидеть императора» [6. С. 558]. И даже главный экзаменатор, который, как правило, занимал очень высокую должность, заботился о своей выгоде и продавал темы сочинений [6. С. 582]. Дружеская просьба или протекция, не подкрепленные денежными наградами, приводили к обратному результату. Экзаменаторы полагали, что ходатай «получил от Ли Бо деньги, ... а сам посылает пустое письмо и хочет быть за наш счет хорошим. Хорошо, возьмем на заметку: когда среди сочинений попадется написанное Ли Бо, сразу отклоним его, какое бы оно не было — хорошее или плохое» [6. С. 559]. Были случаи, когда богатый соискатель ученой степени, опасаясь провала, посылал вместо себя на экзамен подставную особу.

Выдерживали экзамены в основном те, кто мог наизусть цитировать ветхозаветные каноны. Чем больше приводилось точных цитат из классических книг, тем выше оценивалась работа. Пересказывая какую-либо мысль, соискатель должен был сохранять древнюю фразеологию и избегать современных высказываний и слов.

Работы, предоставленные на государственный экзамен, должны были быть написаны в традиционной форме ба гу. В таком сочинении точно определялись количество иероглифов и восемь частей:

1. Тема.
2. Толкование темы.
3. Основные положения темы.
4. Подход к пересказу.
5. Начало пересказа.
6. Середина пересказа.
7. Конец пересказа.
8. Заключение.

«Тема» включала две фразы, раскрывающие содержание сочинения. «Разъяснение темы» излагалось в трех-четырёх фразах, здесь формулировалась цель сочинения. В разделе «Основные положения» предварительно в общих чертах передавалось содержание всей работы. «Подход к изложению» связывал первые разделы с трактовкой самой разбираемой темы. И только четыре последние раздела представляли собой сочинение.

Древние китайские мыслители выражали свои мысли неясными, отвлеченными рассуждениями и встречными вопросами, прибегали к риторике и сложным аналогам. Зафиксированные в литературных памятниках их беседы и суждения часто можно было трактовать по-разному. Такая манера выражения мыслей стала в последующем образцом, считалась признаком учености и мудрости и использовалась в написании экзаменационных сочинений. Примером может служить отрывок из такого сочинения: «Источником личного существования каждого человека являются его ро-

дители; отношения, установленные небом, — самые интимные отношения, и естественное чувство — самое глубокое чувство. Что дано всем людям небом в естественном чувстве, то обнаруживается без различия между благородным и неблагородным — единое чувство пронизывает всех. Мои мысли в настоящее время обращены к тому, кто занимает высокое положение и кто при этом может быть назван истинно хорошим человеком. Истинно хороший человек, занимающий высокое положение, должен быть глашатаям добродетели, а чтобы сделаться таковым, он должен начать с исполнения обязанностей в отношении своих собственных родителей» [3. С. 428].

К сочинению на высшую ученую степень цзиньши предъявлялись еще более высокие требования, и оно должно быть построено по строгому шаблону. В одном из императорских указов об этом говорилось: «Сочинение на дворцовых экзаменах должно начинаться предложением: «Я слышал» или «Я отвечаю». Вводный параграф должен иметь от четырех до восьми строк из 24 иероглифов каждая. Второй параграф должен начинаться фразой: «Я почтительно понимаю, что Ваше Величество...». Слова «Я почтительно понимаю» должны быть помещены ниже четвертой или восьмой строки. Если в вопрос включены подвопросы, на них надлежит отвечать по порядку. Первый ответ должен начинаться фразой: «С исключительным прилежанием, изучая императорские указы, слуга Вашего Величества находит, что...». Затем должна следовать цитата из императорского указа. Все

последующие ответы также должны начинаться с цитаты из императорского указа и препровождаться фразой: «Императорский указ также говорит...». Сочинение необходимо завершить словами: «Будучи неучем, лишенным опыта, слуга Вашего Величества едва ли может избежать высказать то, чего не следует говорить, и, следовательно, необдуманно обидеть Ваше императорское достоинство. Постоянно испытывая волнение, слуга Вашего Величества почтительно отвечает». Слово «необдуманно» в заключительном параграфе должно быть внизу строки. Слова «император», «императорский указ», «императорское достоинство» должны быть написаны выше обычной строки. Не разрешаются исправления, добавления или пунктуация. Сочинение пишется предложениями, содержащими неизменно четыре и шесть иероглифов. Как минимум, сочинение должно иметь тысячу иероглифов, максимум не ограничен» [3. С. 426].

Если соискатель не выдерживал экзамен, он мог через некоторое время экзаменоваться второй, третий раз и т. д. «Он проучился несколько десятков лет, но не стал даже сюэем» [4. С. 634]. А персонаж Фэнь Цзинь из сатирического романа «Неофициальная история чиновничества» сдавал экзамен, чтобы получить звание сюэя двадцать раз [4. С. 636]. И были случаи, когда только за настойчивость и старание получали ученую степень в довольно зрелом возрасте. Но такая возможность была в том случае, если соискатель имел много свободного времени и был богатым человеком,

ведь «сдавать экзамен можно только предварительно внося деньги» [4. С. 634].

Те, кто получил ученые степени, всем своим поведением и видом стремились показать, что они отличаются от обычных людей. Их просто было узнать по покрою и цвету одежды, головному убору. Их внешность целиком являлась предметом их главной заботы. Нос ученого обычно украшали большие очки в черепаховой оправе, которые они чаще носили ради важности. Ногти на руках таких ученых были длинными. Это свидетельствовало о том, что их владелец не занимается физической работой. Нарочитая вежливость (только с людьми своего круга) и утрированная церемонность были отличительными чертами такого «ученого мужа».

Но даже сдавшим официальный экзамен не так-то просто было получить государственную должность: вакансий было значительно меньше, чем претендентов на них. Взятки, протекции и покупка чиновничьих должностей были обычными явлениями. Этому способствовали сами китайские императоры: они без экзаменов давали ученые степени сыновьям и внукам влиятельных сановников и лицам, жертвовавшим крупные суммы на нужды правительства. Существовали императорские указы, разрешавшие продажу должностей сроком на три года, но не более двух раз одному человеку.

Народ высмеивал «ученых», неспособных к практической деятельности. Это нашло отражение в народном творчестве. Ярким примерам может служить рассказ «Два сюэя и сапожник».

«Однажды два сюая, Чжан и Ли, возвращались домой после сдачи государственных экзаменов. Шли они долго, так долго, что у обоих во рту пересохло от жажды. Проходя по какой-то деревне, они увидели за бамбуковой изгородью финиковое дерево со спелыми плодами. Сюай Чжан сказал:

— Прошли мы долгий, извилистый путь. Пыли наглотались предостаточно. У меня голова кружится от жажды, поедим-ка фиников, увлажним рот и губы сладкой влагой.

— Верно, — сказал сюай Ли, — на нас по три слоя пыли, на ногах по три цзиня грязи, руки онемели, ноги ослабли, и если не подкрепиться сладкими финиками, то мы не сможем сделать ни шагу.

Рассуждая так, они подошли к финиковому дереву.

Здесь, сидя у бамбуковой изгороди, за веретеном пряла нитки пожилая женщина, а рядом с ней, присев на корточки, чинил обувь сапожник.

Сюаи поклонились им, один обратился к женщине:

— Уважаемая, пряжа, скажите, чьи это финики за бамбуковой изгородью?

Женщина окинула сюаев взглядом, сказала:

— Вот уже десять лет, как растет это дерево, в нашей деревне это всем известно. Вы мне не родня, не знакомые, какое вам дело до моих фиников?

Выслушав ее, оба сюая ответили:

— Не сердитесь, матушка, мы стали сюаями и возвращаемся после экзаменов. Нам очень хочется пить, и

мы хотели попросить фиников, чтобы утолить жажду.

Почтительная женщина спросила:

— Разве вы сюаи? Тогда я задам вам несколько вопросов, если вы на их ответите правильно, я угощу вас.

Сюаи обрадовались и в один голос воскликнули:

— Хорошо, хорошо, матушка, спрашивай.

Женщина спросила:

— Что выше неба, ниже земли, кислее всего и слаще меда?

— Я отвечу, я отвечу! — воскликнул сюай Чжан. — Выше неба — звезды, ниже земли — колодезь, кислее всего — зеленый финик, а зрелый финик — слаще меда.

Женщина выслушала ответ и поморщилась:

— В вас только финики на уме, а еще сюай.

Сюай Чжан с недовольным видом спросил:

— Неужели я неправильно ответил?

В разговор вступил сапожник, который сидел рядом:

— Вы еще спрашиваете? Вот слушай, как я отвечу: простой народ — выше неба, чиновник — ниже земли, сытому — все кисло, голодному — все слаще меда.

Женщина выслушала ответ сапожника и сказала:

— Правильно. А вы, хотя и сюаи, знаете меньше сапожника. Слушайте, я еще раз спрошу: кто самый бедный, а кто самый богатый человек на земле, что белее всего на свете и что чернее всего?

На этот раз поспешил ответить сюай Ли:

— Самый бедный, — сказал он, — это Янь Хуэй, самый богатый — это император, самое белое — снег, самое черное — тушь.

Женщина покачала головой:

— Кроме императора и туши вы ничего не знаете.

Сюдаи Ли покраснел до ушей и спросил:

— А неужели я неправильно ответил?

Сапожник сказал:

— А разве правильно? Ты слушай, что я скажу: самый бедный тот, кто имеет только рот, самый богатый — кто может делать все, самое черное — сердце толстосума, самое белое — бедняк, который понимает все ...

Сюдаи больше не стали просить фиников и, бормоча, удалились».

Люди, которые прошли длинный путь заучивания текстов классических книг, с трудом воспринимали внешний мир и отучивались самостоятельно думать. Они, как правило, превращались в самоуверенных начетчиков, слепо веривших в конфуцианские догмы как абсолютную истину.

Писатель Хань Юй в своем произведении «О продвижении в учении» описывает такого ученого: «Слов у него много, но они не передают главного в учении. Писания его необычные, но они ни на что не годные. Действия его правильные, но они никому не видны. И все же — каждый месяц он

тратит полученное жалованье, каждый год потребляет полученное зерно. Дети его не знают пахоты, жена его не знает, что такое тканье. Разъезжает он в колеснице, его сопровождает слуга, дома он спокойно спит и ест. Он заглядывает в старые книги и ворует оттуда ... И государь его не карает. ... Министр его не гонит. ... Профессор предоставлен бездействию» [5. С. 305].

Многие прогрессивные деятели феодального Китая осуждали государственную экзаменационную систему. Известный ученый Лун Цижуй писал: «Соберите людей на рынке и выберите выдающегося из них; найдите человека на улице и дайте ему должность; его преданность и надежность, его способность наблюдать и различать, вероятно, сравнятся со способностями ученого, а может быть, и превзойдут их. Ему не хватает лишь маловажной тренировки в сочинениях, рифмоплетстве и в соблюдении этикета... Но ведь сочинительство, рифмоплетство и соблюдение этикета не помогут в управлении страной, да и сами правители, видимо, не очень в этом сильны. Какая же разница между ними и человеком, случайно встреченном на улице?!» [3. С. 433]

Такая схоластическая система образования сдерживала развитие науки и распространение ученых знаний среди народных масс.

Список литературы

1. Васильев, Л. С. История религий Востока (религиозно-культурные традиции и общество) : учеб. пособие / Л. С. Васильев. — М. : Высшая школа, 1983. — 368 с.
2. Китайская классическая проза / пер. акад. В. М. Алексеева. — М. : Учпедгиз, 1959. — 387 с.
3. Сидихменов, В. Я. Китай: страницы прошлого / В. Я. Сидихменов. — 2-е изд., испр. и доп. — М. : Наука, 1978. — 385 с.
4. У Цзин-Цзы Неофициальная история чиновничества // Китайская литература : Хрестоматия. — М. : Гослитиздат, 1956. — С. 633—645.
5. Хань, Юй. О продвижении в учении / Юй Хань // Китайская литература : Хрестоматия. — М. : Гослитиздат, 1956. — С. 302—305.
6. Цзинь, Гу Цигуань. Ло Бо, «Небожитель», пьяный писал письма, устранившее государство Бохай / Гу Цигуань Цзинь // Китайская литература : Хрестоматия. — М. : Гослитиздат, 1956. — С. 556—582.